

Митяев Дмитрий Аркадьевич — президент Центра системного прогнозирования, исполнительный директор АНО «Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева», кандидат экономических наук.

Dmitrii A. Mityaev — Center for System Forecasting.

Сценарии для российской экономики: внешние ограничения и внутренние требования к новому контракту власти и бизнеса

(Проектное предложение для бизнес-элит)

«Стерильного капитализма» нет (и никогда не было) нигде в мире: ни на Западе, где чужих в серьезные игры не принимают (подряды Пентагона или разведсообщества США получают *Boeing* или *Amazon*, но не *Airbus* или *Siemens*), ни на Востоке (особенно в Китае), где вообще глобальные банки или IT-компании заменены своими выращенными чемпионами.

Требовать равных правил игры в России в условиях, когда многие формально российские бизнес-группы (РБГ) суть просто филиалы офшор-

ных или западных структур, в период «обострения мировой классовой борьбы» было бы сплошным ребячеством. Тем не менее поиск общего языка власти, бизнеса и общества (населения) для перезаключения контрактов между ними необходим и возможен — альтернативой контрактным отношениям является «право сильного» начала-середины 1990-х годов, которое резко повышает трансакционные издержки и не способствует не то что развитию, но и простой обороне от угроз.

В картине мира «победителей бизнес-мундиалей» 1990-х и 2000-х (за редким исключением)

УДК 339.9:338.2

На начало осени 2018 г. российской властью и бизнесом зафиксирован статус-кво — ни о каком изменении модели (включая контракт власти и крупного бизнеса, заключенный 15–20 лет назад как результат «равноудаления олигархов») речи не идет. В бизнес-логике власть (арбитр) не вправе требовать лишнего (соблюдения кодекса строителя если не коммунизма, то социально приемлемого капитализма) или подыгрывать своим (отдавать подряды госкомпаний, перераспределять активы и пр.). Хотя это «кое-где у нас порой» по факту и происходит (в госкомпаниях и бюджетном секторе), но считается исключением из правила «стерильного капитализма»: бизнес сам по себе («плати налоги и спи спокойно»). На основе анализа исторических вариантов сочетания контрактов с народом и элитой: екатерининского и петровского, авторы приводят возможные варианты современного сочетания контрактов власти с бизнесом и с населением: нынешний неолиберальный курс, курс на социальную рыночную экономику и вынужденный жесткий (мобилизационный) курс.

Ключевые слова

Российские бизнес-группы, РБГ, контракт власти и бизнеса, репатриация активов.

понятия служения нет вообще — есть лишь счет на табло с девятью или десятью нулями. Лояльность этому счету каждого чемпиона от бизнеса на самом деле выше лояльности и Западу, и Востоку: логика обстоятельств — наличие и умножение капитала (в том числе с тайной его первоначального накопления) выше логики намерений.

Капитал, дарованный неолиберальной революцией (на Западе состояния выросли за 20 лет в реальном выражении — в сравнении с ростом экономики — в 2–3 раза в среднем, в России и Китае — на порядок, у некоторых отдельных самородков — на 3–4 порядка), требует «продолжения банкета», предчувствуя очередные 300% прибыли в год.

Мы видим, как солидарно отрицательно реагирует бизнес (а вслед за ним и правительство) на предложение А.Р. Белоусова рассмотреть механизм изъятия доходов, «принесенных ветром». Особенно в этом году, когда прибыли (за счет девальвации рубля) зашкаливают. Скорее распределить и заплатить себе промежуточные ди-

виденды! Спешат и частные владельцы, и госкомпании.

Но глобальное статус-кво (капитал, надутый долгами до небес) может в любой момент обрушиться (вместе с фондовыми рынками и ценой на нефть), и тогда сохранение текущего равновесия внутри страны станет слишком дорогим.

Более того, это глобальное статус-кво перестает относиться к нашим компаниям и их владельцам: контракт Запада расторгнут, объявлен форс-мажор по делу Скрипалей, вмешательству в будущие выборы, встрече с Трампом...

Перезаключение контракта власти с бизнесом в условиях форс-мажора. Между Западом и народом — испытание на разрыв

Есть два исторических варианта сочетания контрактов с народом и элитой: екатерининский (закрепощение крестьян и вольность дворянства) и петровский (он же, но с модификациями, сталинский), включающий ответственность служилого и торгового сословий с мобилизацией

Scenarios for the Russian Economy: External Constraints and Internal Requirements for a New Contract Between Business and Government (Project Proposal for the Business Elite)

By the beginning of autumn 2018, the Russian government and business have fixed the status quo — any change in the model (including the contract between the government and big business, concluded 15-20 years ago as a result of “equidistant oligarchs”) is out of question. In business logic, the authority (arbitrator) does not have the right to require too much (compliance with the code of a builder, if not of communism, then of socially acceptable capitalism) or to play along with its own adherents (give contracts to state companies, redistribute assets, etc.). Although in fact this happens “sometimes and somewhere in our country” (in state-owned companies and the public sector), but is considered an exception to the rule of “sterile capitalism”: business on its own (“pay taxes and sleep well”). Analyzing historical options of combining contracts with the people and the elite: in Catherine’s and Peter’s periods, the authors present possible options for the modern combination of contracts between the government and business, as well as with the population: the current neoliberal course, the course towards a social market economy and a forced tough (mobilization) course.

Keywords

Russian business groups, RBG, contract of government and business, assets repatriation.

➤➤ Кремль не согласен терять суверенитет, становится окраиной чужой мир-системы, поэтому его требование к капиталу просто — репатриация.

народа на войну и строительство нового града и мира. Первое сочетание нравится элитам, второе — большинству¹.

«Равноудаление» олигархов 2000-х годов в сочетании с разумной политикой повышения доходов населения (бюджетников и пенсионеров), казалось бы, свидетельствовало о выборе петровского варианта контрактов Кремля с элитой и народом: повышение ответственности и сплочение вокруг достижения общих целей. Однако искушения «кумовского капитализма» (своим — все, остальным — закон), рост роли административного и силового аппарата за 2010-е годы почти разрушили этот вектор модернизации и роста, став одним из значимых факторов стагнации экономики, застоя социальной энергии.

Может ли страна позволить себе не то что екатерининский, но хотя бы брежневский расслабон, потакание неге немногих при апатии остальных?

Или ситуация после десяти лет топтания на месте напоминает закат НЭП, когда отставание от Запада (а сегодня уже и Востока) становится нетерпимым: пробежать за пять лет их путь за последние пятьдесят (как в 1931 г. — за 10 лет путь в 100 лет) или «нас сомнут». Очевидно, нынешнее правительство и Центробанк отвечают: бежать не надо (да мы и не можем), надо встраиваться. Куда? Зачем? Какой ценой?

Поставленная вновь политическая сверхзадача прорыва поручена несколько постаревшим (но не потерявшим задора «прогрессоров» в дикой стране) «чикагским мальчикам», которые консолидируют все, что шевелится, — бюджет, инфляцию, социальную активность (апатию). К ним на подмогу подтянуто новое поколение, живущее и управляющее, «под собою не чуя страны», — их так учили, аксиоматика монетаризма и эффективного менеджмента жестче, чем догматы марксизма.

Выбор жесткого контракта власти с населением (пенсионная реформа, повышение НДС и т.д.) создает рамку для инерционного сценария от-

вета на внешние шоки: приватизация остатков государства (при укреплении его внешнего фасада), затем — новая редакция капитализма катастроф [1]. Но пока остается возможность выработки такого же (если не жестче) нового контракта Кремля со служилой и торговой (бизнес-) элитой, что предполагает «национализацию третьего сословия» и репатриацию активов и обязательств.

Так, Петр поставил первых промышленников (Демидовых и других) на службу своей молодой империи (не только капитал, но и церковь, и бояр, и всех остальных), хотя светлейшему князю Александру Меншикову позволил-таки вывести в Лондон огромные средства (два-три годовые казны империи). Последний российский самодержец Николай II сделал ставку на западный капитал, отодвинув капитал отечественный (в основном старообрядческий) от руля развития страны, что предопределило финансирование последним первой и второй русских революций, а также (не в последнюю очередь) отвратительное снабжение армии и тыла во время Первой мировой войны. Компрадорский капитал (и просто иностранный) хорош в период бурного собственного развития (немцы и англичане в эпоху Петра и Екатерины с удовольствием торговали и селились в бурно растущей империи), в остальное же время его задача — выкачивать произведенную добавленную стоимость (и при возможности часть необходимого продукта) в страны метрополии, закрепляя периферийный (зависимый) характер экономики и общества России.

Кремль же не согласен терять суверенитет, становится окраиной чужой мир-системы, поэтому его требование к капиталу просто — репатриация.

Население, конечно, никто не спрашивает. Но парадокс любого развития (даже мобилизационного) заключается в том, что оно требует сознательности, превращения атомизированного плебса в народ.

«Условия согласия» бизнес-элит на репатриацию активов

Без договора бизнеса в новых условиях с властью и обществом выбраться из «медовой лужки» западной финансово-правовой системы невозможно.

Выработка стратегий поведения и консолидация элит могут быть осуществлены на разных принципах. С точки зрения сложности, это задачи син-

теза, которые обычно на порядок сложнее анализа. Не проще ли отдать многотрудный синтез (поиск и фиксацию консенсуса) невидимой руке рынка, как учат фон Хайек и Милтон Фридман?

Бизнес не привык пускать дело на самотек (оно утечет к конкурентам) и предпочитает оценивать соотношения сил — в нем играют «гравитационные» (соотношение сил и системы интересов) взаимодействия, в которых власть воспринимается как еще один (хотя и самый сильный) игрок. И этот важный игрок должен играть по тем же правилам затрат и выгод (издержек и противовесов). Поэтому для бизнеса идеальным контрагентом выступает Минфин — он ведь мыслит в логике денег (профицита — дефицита бюджета), с ним можно в этой логике договориться... Но это иллюзия, которая становится вредной (как и безмерное усиление Минфина в правительстве²) в условиях структурных или институциональных сдвигов тектонического масштаба. Вредной для самих бизнес-структур, как вредно и для власти «обизнесменивание», монето- и бюджетобесие: деньги (в том числе накопление резервов) не решают всех проблем власти, а в период внешнего монетарного сжатия (в рыночной или административно-санкционной форме) создают новые.

Именно политическая власть должна сформулировать и донести до бизнеса «условия соглашения» — мягкие или жесткие, как ситуация позволит — на репатриацию, на смену модели функционирования как сегмента глобальной системы.

Власть в конце концов в ситуации конфронтации с чужой (внешней) силой перестает играть по бизнес-правилам — ведь ее общеродовая (для любой власти) логика: контроль времени (будь то династический или электоральный цикл) и контроль пространства (своей и, по возможности, чужой территории). Но и бизнес в период внешних шоков может выходить за рамки логи-

ки капитализации и прибыли любой ценой, так как он не отделен от власти нигде: ни в англосаксонских странах, где власть в основном его обслуживает; ни в восточных странах, где, наоборот, бизнес-элиты служат политическим; ни в современной России, в которой власть есть бизнес, а бизнес есть власть. Обслуживать чужую власть в условиях торгово-финансовой агрессии против страны, где производится твоя прибыль, становится все опаснее (это относится и к денежным властям «расширенного правительства»).

В условиях войны (даже экономической) начинают играть другие силы и взаимодействия: сильные (например, силовые, семейные или клановые) и слабые (например, идеологические). Элиты не привыкли быть прозрачными и рассказывать о правилах и обычаях своих внутренних («семейных») отношений, предпочитая не выносить сор из избы³. Но это не всегда у них получается.

Пока же Минфин и правительство в целом (против инициативы А.Р. Белоусова по изъятию сверхприбыли металлургов и химиков на исполнение майского указа Президента РФ объединились пять профильных министерств) показывают крупному бизнесу пример: если у того «лишние деньги», выведенные в офшоры, за 2017 г. составили 0,5 трлн руб. (минимальная скромная оценка), то Минфин вывел более 1 трлн руб. В этом году процесс ускорился: за первое полугодие превзойдены параметры выплат дивидендов за рубеж и покупки валюты Минфином, достигнутые за весь прошлый год. При такой общности логики поведения и интересов ясно, что правительство и крупный бизнес будут объяснять Администрации Президента РФ и населению, что «лишних денег у них нет», все, что выводится, — это законные резервы (трофеи), которые экономике не нужны.

При этом до перехода к изоляции страны в целом (второй пакет санкций по делу Скрипалей и принятие адского закона DASKA) остаются считанные недели.

Поэтому и смена общей модели экономики (от встраивания в глобальную к собственной суверенной) и модели поведения элит может быть осуществлена только одновременно — и в государственном, и в частном секторах. Увы, через слом старой модели. Но основные РБГ смогут встроиться в любую модель — вопрос сроков и издержек, а также адекватности руководства и акционеров на переходе.

Полтора десятка ведущих РБГ можно разделить на три-четыре кластера по одному из трех признаков (скорее, это не четкие кластеры, а «галактики в бизнес-вселенной»):

- 1) по происхождению или по внутренней энергии (начало-середина 1990-х — так называемые системные либералы с их энергией большого хапка; конец 1990-х — так называемые семейные с энергией упорядочивания и закрепления господства; начало 2000-х — так называемые питерские с энергетикой укрепления позиций в мире);
- 2) по материальной основе — сектору деятельности (ТЭК, ОПК и ББК);
- 3) по информационной начинке — стратегиям поведения (выживания).

В таком трехмерном пространстве более работоспособны современные модели системной динамики, а также представления об элитных группах как организованных в биоценозы («пищевые цепочки») экосистемы полного цикла.

Круг элитных групп претерпевает с годами изменения из-за внутри- и межвидовой конкуренции, а также в силу возрастных причин. Принципиальная особенность российской политико-экономической элиты с конца 1980-х годов — ее открытость мировой финансовой и организационной инфраструктуре, дошедшая до существенной (закритичной) встроенности в нее.

До осложнения отношений России с западным миром это рассматривалось как вполне легальная и практически ничем не ограничиваемая основа успешного бизнеса. Едва ли не все крупнейшие состояния и бизнесы в 1990-е и 2000-е годы вынесли ключевые (финансовые) элементы своих воспроизводственных контуров в западные юрисдикции. Теряемый в результате такой схемы российский макроэкономический (в том числе и бюджетный) доход вполне перекрывался локальными выигрышами ее фигурантов. И пока для большинства (но не для О.В. Дерипаски, В.Ф. Вексельберга, С.А. Керимова и так называемых друзей президента) ничего, вроде, не поменялось: зарабатывай в России — складывай, инвестируй и потребляй на Западе. Это как система распознавания «свой — чужой».

Зачем ломать тридцатилетнюю систему, если даже Минфин России «делает это»?

Идеологической основой такой модели экономики был принцип двойной лояльности. Экономической сутью этой модели были чрезмер-

ные инвестиции в безопасность бизнеса. Двумя принципиальными следствиями этого факта стали недоинвестирование в основные фонды и системная коррупция, которая в конечном счете пропитала и ключевые производственно-сбытовые цепочки, и закупочные процедуры, и институты контроля, и правила определения и реализации экономической политики.

Как только консервативным правящим кругам в США стали очевидны неблагоприятные для них балансы глобализации, в том числе финансовой, был начат переход к полному реструктурированию мирового разделения труда. Ключевой экономический смысл процесса — перевод высших технологических переделов производства в развитый мир с улавливанием наибольшей массы добавленной стоимости.

Россия — один из ведущих мировых поставщиков энергоносителей, ряда других сырьевых товаров, вооружений, знаний и кадров. Как и ряд других стран, включая Китай и частично Европу, Россия стала мишенью предстоящей глобальной экспроприации активов и богатства.

Именно в этом контексте разворачивается санкционная политика США и их союзников. Для российских фигурантов актуальной и будущей политики экспроприации это означает лишение (в судебном и внесудебном порядке) возможности контролировать ранее приватизированные и в значительной мере выведенные финансовые и частично производственные активы и соответствующие финансовые потоки. Объем рискованных активов, размещенных за рубежом, превышает 1,3 трлн долл. Не менее трети из них предназначено для экспроприации (в реальности, может быть, и 2/3).

Всего объем легально и нелегально выведенного из России капитала разного типа достигает 5 трлн долл. При этом накопленные в России иностранные инвестиции составляют менее 500 млрд долл.

Но дело не сводится к потерям сторон в случае «войны конфискаций». Россия представляется наиболее удобным поводом и объектом для операции по глобальной зачистке мировой финансовой системы.

Центробанки, благодаря политике «мягкого смягчения» накачавшие за последние годы необеспеченными средствами мировой экономической оборот и потому ответственные за нынешний гипернавес над реальной экономикой, виновными быть признаны не могут по политическим мотивам. Все эти дисфункции удобнее списать на Россию как «безответственного участника» международных отношений. В любом случае зачистка приведет к катастрофическим последствиям вплоть до падения мировых рынков более чем на 50%, за которым последует глубокая рецессия экономики. В аналогичных обстоятельствах в XX в. проблема решалась через развязывание мировых войн.

В этой обстановке можно ожидать две стратегии поведения российской элитной группы лиц в коллективном и индивидуальном формате. Первая — договориться с западными властями, даже уступив часть собственности, как это было во время известной кипрской акции, которая из будущего покажется невинной шалостью Банка Кипра. Ставка на компромисс с западными властями питается также иллюзорной надеждой на перспективу более глубокой

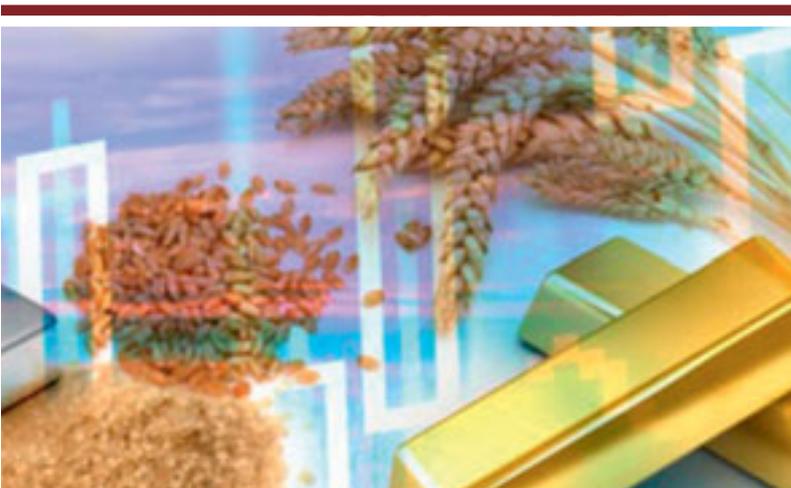
интеграции с профильными западными фирмами. Вторая стратегия — возвращаться на Родину.

Обе стратегии рискованны. Первая — из-за уже нарушенной неприкосновенности частной собственности и общей демонизации капиталов из России, с которыми в нынешних условиях можно не церемониться, как с «токсичными». Уступки в сфере контроля над бизнесом (превращение в «дочек» западных ТНК) приведут к поглощению и далее ликвидации бизнеса. Вторая стратегия поведения также рискованна — возврат «токсичного» капитала в Россию. Здесь тоже никто ничего не гарантирует и доверия к призывам властей вернуться нет. Тем более что и здесь имеют место прецеденты неправового отъема собственности даже у очень крупных игроков. Кроме того, эти российские бизнес-структуры ориентированы на внешний рынок, поэтому отказ (отключение) от него означает значительное уменьшение масштабов их деятельности. Практически гамлетовский двойной вопрос: что делать с отсутствием доверия к призывам властей вернуться и со значительным уменьшением масштабов их деятельности в случае возврата.

➤➤ Россия представляется наиболее удобным поводом и объектом для операции по глобальной зачистке мировой финансовой системы.

Многие считают, что с этим ничего поделать нельзя. И что вот-вот начнется (уже началась) массовая экспроприация за пределами России, какой бы пенсионной реформой это ни прикрывали, так это будет потом⁴.

И все-таки условия репатриации активов и обязательств, с точки зрения интересов крупного бизнеса, сформулировать надо — должен быть путь домой, как ни странно это звучит для уха глобального бизнесмена-космополита. Не потому что космополитический по своей природе крупный капитал можно запереть в клетке национальных границ, а потому что его могут отобрать (испарить) в глобальном схлопывании долгов и активов. В рамках страны происхождения у капитала, а главное у людей — его носителей (которые *все-таки* не сводятся к счету на табло) появляется шанс остаться в игре.

➤ Зачистка приведет к катастрофическим последствиям, вплоть до падения мировых рынков более чем на 50%, за которым последует глубокая рецессия экономики. В аналогичных обстоятельствах в XX в. проблема решалась через развязывание мировых войн.

Среди таких самых общих условий репатриации капитала можно назвать следующие.

1. *Общее дело*: обмен капитала и энергии бизнесмена-репатрианта на место в общем строю согласно профилю деятельности лица и общему замыслу прорыва страны к новому уровню развития. Так, финансисты должны получить гарантии вхождения их банков и финансовых компаний в состав системно значимых финансовых институтов страны; сырьевики и прочие представители глобально ориентированных отраслей (зависимых от конъюнктуры глобальных рынков) — гарантии защиты от закрытия этих рынков странами-конкурентами (или соответствующих ответных мер) и участие в выработке долгосрочных параметров повышательного развития российских рынков с защитой от импорта (в том числе с гарантированным долгосрочным курсом рубля); предприниматели «новой экономики» и высокотехнологичных отраслей (включая оборонку) — гарантии модернизации структуры экономики и защиты от враждебного поглощения мировыми (западными и восточными) ТНК.

2. *Возврат принесенного ветром*. Поскольку формальные сроки давности оспаривания сделок «залоговой» приватизации прошли, в качестве паллиатива их легитимизации в глазах общества и понимания Кремлем, что соответствующие стратегические активы останутся в российской юрисдикции (вернутся в нее), крупные предприниматели могут давать «клятву дарения», но не в пользу глобальных благотворительных фондов, а в пользу отечественных фондов, тем более что многие создали в России такие фонды. Это могут быть образовательные, медицинские, научные, культурные и иные фонды и эндаументы в пользу программ развития страны и социального мира⁵.

3. *Равноприближенность вместо равноудаленности*. Поскольку контракт власти и бизнеса 2000-х («равноудаление олигархов» от Кремля в обмен на прозрачные и равные правила игры) в 2010-е перестал работать, Кремль может объявить равные условия приближения для всех крупных предпринимателей, берущих на себя орга-

низацию или принимающих решающее участие в стратегическом развитии (национальных проектах), включив тех, кто подписывает соответствующие долгосрочные инвестконтракты (например, в форме сверхкрупных СПИКов, скажем, от 300 млрд руб.), в состав президентского Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Несоблюдение условий контракта приводит к расторжению СПИКа и автоматическому выводу из состава Совета⁶.

4. *Консолидация капитала и создание мега-РБГ* (по типу «Росатома», «Ростеха», «Норникеля», «Русала» и двух СП, созданных в «цифре», — Сбербанк с «Яндексом» и «Мэйл-групп» с «Ростехом» и ГПБ). Вместо 35–50 крупных РБГ может остаться 10–12 (как в банковском секторе осталось 5–7 крупных банков), что позволит сохранить позиции на схлопывающихся внешних рынках и сократить издержки в период внутренней модернизации. Хотя с точки зрения антимонопольной политики такая консолидация («чеболизация») представляется опасной, она может стать альтернативой полной мобилизационной экономике с монополией на внешнюю торговлю, трансграничные платежи и т.п.

5. *Новый курс* по отношению к элитам должен быть увязан с таковым по отношению к населению (трудовым ресурсам — нынешним, будущим и прошлым): вместо вгоняющих общество в депрессию пенсионной реформы, повышения НДС и иных элементов шоковой терапии — 2 народу должно быть предложено служение (пожизненный наем) в общем деле через участие во вновь объявленных проектах власти и бизнеса. Только создание новых рабочих мест с достойной оплатой, сохранение остатков общественных фондов потребления (в том числе пенсионного и медицинского) способно включить людей в созидание. В «связке трех сил» (чиновничество — предприниматели — народ) Кремль не может мыслить в парадигме «отнять и поделить», сокращая госпрограммы и долю бюджета в ВВП (как делает нынешний Минфин).

Новый контракт с бизнесом должен быть согласован с контрактом, который власть перезаключает с народом.

Три режима воспроизводства экономики России (сочетание контрактов власти, бизнеса и населения)

Задача политического субъекта — спроектировать такую экономику (в том числе национальные рынки капитала и труда), которая включает в себя механизм выработки и согласования стратегических решений в области экономики и социального развития. Спроектировать субъект развития — не партию нового типа (время партий прошло вместе с традиционным классовым обществом, как и время профсоюзов), но комбайн согласия элит, способный перемалывать зерна интересов в муку ценностей, из которой можно испечь хлеб стратегических решений. Если политический субъект не выполняет эту задачу, ситуация разворачивается по линии наименьшего сопротивления, то есть за счет диктата воли наиболее активных и сильных (в том числе внешних) игроков.

Принципиально возможны три варианта сочетания контрактов власти с бизнесом и с населением (если оставить за рамками рассмотрения уходящий из поля возможностей «брежневский вариант»):

- 1) нынешний неолиберальный курс (сочетание мягкого контракта с бизнесом и все более жесткого с населением: М – Ж);
- 2) курс на социальную рыночную экономику: жесткий контракт для элит с относительно мягким контрактом с народом (Ж – М);
- 3) вынужденный жесткий (мобилизационный) вариант (Ж – Ж).

При всей условности этого анализа, с финансовой точки зрения, эти варианты различаются распределением произведенного добавочного продукта.

В первом (инерционном) неолиберальном варианте сохраняется пропорция крайнего и растущего неравенства:

- почти вся чистая прибыль (15% ВВП) и часть фонда амортизации вывозится из страны; инвестиции крупнейших компаний не превышают 10–15% выручки;
- государство получает в виде налогов от 5–7% от металлургов и химиков до 25–30% от нефтегаза и других секторов;
- население в виде зарплаты и социальных выплат получает чуть более 50% ВВП, нагрузка на него (а также на малый бизнес) растет за счет как налоговых мер, так и административных (например, кадастр, демонтаж систем бесплатного

социального и медицинского обеспечения как пережитков советской системы).

При этом правительство стремится сократить долю консолидированного бюджета в использовании ВВП с 40 до 35%, что делает социальное развитие невозможным. Десять последних лет эта политика проводится без оглядки на отсутствие роста экономики. Такое топтание на месте и отставание от мира оправдывается макроэкономической стабильностью. В рамках этого сценария продолжается вывоз капитала (на 5–7% ВВП в год), свободное плавание рубля и прочие нерушимые правила Вашингтонского консенсуса. Условием сценария является отсутствие полной блокады или интервенции Запада в финансовой и информационно-технологической сферах, где у Запада сохраняется тотальное преимущество.

Во втором варианте (социальная экономика) пропорции распределения дохода меняются в пользу населения при закреплении (и плавном росте) доли государства в ВВП. Меняется макроэкономическая и денежно-кредитная, а также налогово-бюджетная и структурная политика. Вывоз капитала сокращается до 2–3% ВВП, рубль «мягко» фиксируется мерами валютного контроля и регулирования внешней торговли путем ее полной деофшоризации и дедолларизации. Этот сценарий возможен в том случае, если Запад расколется и удастся сохранить европейские рынки сбыта для сырьевых товаров (нефть, газ, металлы и др.).

В третьем (мобилизационном) варианте пропорции распределения дохода меняются в пользу государства (до 50% ВВП и выше), происходит национализация сырьевых отраслей. При этом надо понимать, что мобилизационный вариант будет адекватен переходу Запада в отношениях с Россией от режима последних 25 лет («откуп», или уплата дани в размере 5–7% ВВП в год) к режиму «плена», или прямого колониального правления (см. пример Украины или стран Южной Европы и Прибалтики), с последующей попыткой разборки России «на органы».

➤ Только создание новых рабочих мест с достойной оплатой, сохранение остатков общественных фондов потребления (в том числе пенсионного и медицинского) способно включить людей в созидание.

Риски у каждого сценария (варианта выхода из кризиса слома модели мироустройства и встраивания в него России) свои: от предательства в первом варианте (уже есть) до саботажа во втором и диверсий в третьем. Это подлежит отдельному анализу.

Проектирование каждой из двух альтернативных моделей требует взаимоувязки как финансово-технических параметров, так и поведенческих моделей, а также расчета ресурсного (в том числе кадрового) обеспечения, отработки взаимодействия основных участников методами «штабных игр» и натурных испытаний. В качестве примера можно привести большой проект типа ГОЭЛРО как комплекс научно-стратегических, инженерно-экономических и технико-внедренческих изысканий и проектировок.

✎

ПЭС 18121 / 29.08.2018

Примечания

1. Исторически встречаются периоды попыток сочетания «мягких» контрактов — и с элитой, и с народом (например, время, начиная с хрущевской оттепели и заканчивая брежневским застоём). Однако такие периоды в условиях повышения враждебности окружения приводят к расслабленности элит и к завышенным ожиданиям населения, что позволяет осуществить слом общества через смуту («шок без терапии»). Вероятно, в данном историческом цикле страна исчерпала запас «мягкости» в 2000-е годы.

2. Министерство финансов РФ получило право расширить количество своих департаментов с 24 до 25, говорится в подписанном премьером Д.А. Медведевым постановлении Правительства РФ. Согласно документу, новый департамент займется противодействием санкциям, которые введены в отношении России и ее юрлиц.

3. В условиях перелома и внутренних войн между основными кланами некоторые вещи «вылезают на свет»: так было, например, в конце 1990-х во время войны за «Связьинвест», когда «дело писателей» зацепило лидеров либерального клана; так происходит и сегодня, когда неудачное враждебное поглощение «Открытием» и стоящим за ним кланом одного из крупнейших госбанков приводит к серьезным кадровым изменениям в... самом Центробанке, а дело румынской шпионки свидетельствует о некоторых проблемах внут-

ри могущественной питерской группы, куда входит компания, где работала эта дама. Не говоря уже о деле братьев Магомедовых и других операциях по фиксации изменения статус-кво.

4. Реально это «потом» уже наступило — банки США, Швейцарии (далее — везде) уже блокируют миллиарды (а может, и десятки миллиардов — узнаем чуть позже) долларов, швейцарских франков, евро и пр. И нет ни малейшего шанса что-то отсудить не только в американской, но и в любой иной западной юрисдикции. Характерно, что В.Ф. Вексельберг за четыре месяца блокировки его кровных в Швейцарии не смог даже нанять адвокатов: местные мэтры отказывают ему в обслуживании под предлогом конфликта интересов (де, мы обслуживаем те самые крупные банки, с которыми вы хотите судиться). «Токсичность» русских приводит к режиму полной изоляции (пока отдельных компаний и лиц).

5. Пятнадцать лет назад О.В. Дерипаска публично заявлял, что готов по первому требованию отдать государству свои активы, однако горькая ирония истории заключается в том, что условия передачи как залога снятия с «Русала» санкций согласует Минфин США и вряд ли это будет российское государство. До того как этот опыт станет массовым, российское государство должно предложить альтернативу — и не на путях внутренней офшоризации (вспомним дыры офшоров Калмыкии и ЗАТО, хотя попытаться формально переселить холдинги в САР на островах Русский и Октябрьский — это лучше, чем вообще ничего не делать).

6. Очевидно, что объявление условий равноприближенности и проработка нацпроектов в разрезе основных РБГ приведет к тому, что практически все бюро правления РСПП (30 человек) и еще столько же захотят участвовать, что приведет к дополнительному привлечению инвестиций (репатриации капитала) на сумму от 18 трлн руб. за пять лет или на три п.п. ВВП в год — это и даст продвижение к поставленной в майском указе 2018 г. цели роста доли инвестиций в ВВП, при этом данные инвестиции будут качественные, так как лица, подписавшие СПИКИ, будут «отвечать головой» (карманом) и репутацией. Такой объем залповых инвестиций потребует межотраслевой и межрегиональной координации, что, наконец, запустит процедуры стратегического планирования, предусмотренные Законом № 172-ФЗ.

Источник

1. Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.

Reference

1. Klyayn N. *Doktrina shoka: rastsvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: Heyday of Catastrophe Capitalism]. Moscow, Dobraya kniga, 2009.